

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЙСКАЯ И АМЕРИКАНСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ТУРКЕСТАНЕ

Г. А. ХИДОЯТОВ

В великой семье народов СССР крепнут и процветают республики Средней Азии. Октябрьская революция освободила их от колониального гнета. В короткий исторический срок, при братской помощи русского народа, они покончили с неграмотностью и нищетой, ликвидировали экономическую и культурную отсталость, достигли современного уровня промышленно-технического развития. В пустынях выросли гигантские заводы, караванные тропы сменились железными дорогами, древние земли бывшего колониального Туркестана украсили крупные электростанции и каналы, школы и университеты.

Исторические достижения народов Средней Азии явились торжеством принципов ленинской национальной политики КПСС. Они стали зарей новой жизни на Востоке и вдохновляющим примером для всех народов, борющихся за ликвидацию колониализма.

За последние годы на Западе появилось немало монографий и статей, касающихся истории и современного положения советских республик Средней Азии. Некоторые авторы стремятся объективно осветить успехи среднеазиатских народов в экономическом, политическом и культурном развитии¹. Их работы ценны тем, что написаны они непосредственными очевидцами жизни республик Средней Азии. Авторы лично посетили школы, детские дома, промышленные предприятия, колхозы, высшие учебные заведения, библиотеки, встречались с простыми людьми и вынесли глубокое убеждение о громадных достижениях ленинской национальной политики в СССР. «Что бы мы ни думали о советской системе,— пишут супруги Коутс,— нравится она нам или нет,— никто не может отрицать, что советская национальная политика... достигла выдающихся успехов»².

Пример республик Средней Азии имеет огромную притягательную силу для всех народов стран Азии и Африки, добившихся политической независимости или борющихся за нее³. Естественно, что это пугает апологетов империализма, желающих сохранить и увековечить колониальные порядки. Правда, они не столь простодушны, чтобы в нынешней полити-

¹ См. W. P. and Z. K. Coates. *Soviets in Central Asia*, L., 1951; см. также статьи в американском журнале «New World Review»: A. L. Strong. *Is Central Asia a Colony?* Feb. 1956; C. L a m o n t. *Uzbekistan Impressions*, Oct. 1959; H. R o b e r t s. *Tamerlane's Uzbekistan Today*, Nov. 1959.

² W. P. and Z. K. Coates. Указ. соч., стр. VII.

³ См. об этом А. Курманов, В. Трубников. «Мы видели Советский Узбекистан». Зарубежные гости об Узбекской ССР, Ташкент, 1957.

ческой ситуации расхваливать колониальные режимы в странах Азии или Африки или представлять их как образец решения национального вопроса. Но за обложками пухлых монографий, за хитроумными софистскими трюками ясно проглядывает классовое лицо наемников империализма, которые стремятся обелить колониализм и одновременно очернить советскую национальную политику.

Линия, которую ныне представляют эти авторы, не нова. Уже с первых дней победы Октябрьской революции на книжных рынках Европы и Америки появлялись отдельные антисоветские книги и статьи подобного рода. До второй мировой войны они выходили в подавляющем большинстве из-под пера разведчиков и дипломатов, буржуазных националистов, троцкистов и прочих предателей народов Средней Азии⁴. В подавляющем большинстве работы эти носили мемуарный характер и за редким исключением (Ольберг, М. Чокаев) не содержали каких-либо обобщений. Ожидать сколько-нибудь объективного освещения событий в подобных «трудах» не приходилось. Их авторы и не пытались скрывать свою злобу к советскому строю, свое раздражение победой Октябрьской революции в Туркестане.

После второй мировой войны на Западе значительно возросло число книг по Советской Средней Азии. За одно лишь десятилетие с 1950 по 1959 г. было написано гораздо больше, чем за предыдущие три десятка лет. Изменилось и содержание работ. Были приложены все силы, чтобы убедить народы бывших угнетенных стран в том, что национальная политика СССР представляет собой лишь «новую форму» колониализма, в которой воскрешены старые царские методы угнетения национальных окраин. Такова основная идея многих наспех, неряшливо сострепанных «трудов», вышедших в начале 50-х годов⁵. Время показало, как глубоко ошибались апологеты колониализма, рассчитывавшие клеветническими наскоками вызвать у народов Азии и Африки страх перед мнимым «советским колониализмом» и доверие к империализму западных стран. Уже в 1958 г. Дж. Уилер сокрушался, что народы Азии и Африки не верят в существование советского колониализма и призывал улучшить пропагандистскую работу по «освещению» национальной политики в СССР⁶. Те же нотки слышны и в одном из последних творений американской буржуазной науки — сборнике «Идея колониализма»⁷.

В последние годы наметилось явное изменение методов фальсификации советской национальной политики. В книгах Пайпса, Парка, Зеньковского налицо стремление расширить круг источников, прикрыть обветшалые домыслы мнимым объективизмом, внутреннюю фальшь — внешней эрудицией. В предисловии к книге Парка проф. Колумбийского университета Ф. Мосли сообщает, что, в отличие от других авторов, Парк написал подробную и объективную работу, которая якобы «свободна от пропаганды различных оттенков» и «реалистически анализи-

⁴ Здесь прежде всего надо отметить: F. Bailey. *Mission to Tashkent*. L., 1946; L. V. Blacker. *On Secret Patrol in High Asia*, L., 1922; W. Malletson. *The British Military Mission to Turkestan, 1918—1920*. — *The Journal of Royal Asian Society*, 1922, vol. IX, pt. II; P. Olberg. *Russian Policy in Turkestan*, «Contemporary Review», vol. 122, 1922; J. Castagne. *Le Turkestan depuis la Revolution russe (1917—1921)*, Paris, 1922; Его же. *Les Basmachis*, Paris, 1925; М. Чокаев. *Туркестан под властью Советов*, Париж, 1935 и др.

⁵ К таким «произведениям» принадлежат в первую очередь работы: О. Сагое. «Soviet Empire» (L., 1954) и W. Kolarz «Russia and Her Colonies» (L., 1953). Сюда же можно отнести статью R. Pipes. «Russian Moslems Before and After the Revolution», помещенную в сборнике статей «Soviet Imperialism: Its Origins and Tactics», Notre Dame, 1953, а также книгу K. Stahl «British and Soviet Colonial System» (L., 1951).

⁶ J. Wheeler. *Colonialism and USSR*, «The Political Quarterly», July — Sept. 1958, vol. 29, № 3, p. 223.

⁷ «The Idea of Colonialism», N. Y., 1958.

рует действительные цели, методы и достижения советской политики в Средней Азии за первое десятилетие после революции»⁸.

Характерно, что многие из тех, кто нападает сегодня на советскую национальную политику, в свое время служили колониализму не на словах, а на деле и, немало потрудившись над его упрочением, были удостоены за эту службу высоких званий и наград. Вот некоторые из них. Сэр Олаф Кэроу — один из видных чиновников британской колониальной администрации в Индии. Работал в Пенджабе, в Северо-западной пограничной провинции, где в 1946—1947 гг. занимал пост губернатора, и в Персии. Полковник Джеффри Уилер тридцать лет служил в британской колониальной администрации в Индии и на Среднем Востоке, некоторое время занимал пост военного атташе Англии в Мешхеде и советника по восточным вопросам в британском посольстве в Тегеране. Ныне он возглавляет «Королевское общество Центральной Азии», являющееся в Англии основным центром по изучению проблем советской национальной политики. Уолтер Коларц — сотрудник бывшего колониального управления в Индии. Полковник Чарлз Хостлер долгое время служил в военно-воздушных силах США на Ближнем Востоке. С 1953 по 1955 г. Хостлер работал в Американском университете в Бейруте — одном из главных центров американского идейного влияния на Ближнем Востоке. В последние годы Хостлера встречали в Анкаре, Стамбуле, Каире, где, как сообщают, он устанавливал личные контакты и вел переговоры с представителями эмигрантского охвостья из Средней Азии. Руками подобных людей теперь пишутся «научные труды» об истории и современном положении советских республик Средней Азии. Прошлая практическая деятельность этих верных поборников колониализма, естественно, определила и идейную направленность их нынешних писаний.

Другие буржуазные «специалисты» — такие, как Александр Парк, Ричард Пайпс, Серж Зеньковский, — сами не сотрудничали в колониальной администрации, но тем не менее их работы по характеру и содержанию не отличаются от трудов вышеуказанных авторов. Эти книги издаются организациями, давно уже специализирующимися на антисоветской пропаганде, они оплачиваются из фондов крупных американских монополий. Так, работы Пайпса, Парка, Зеньковского⁹ субсидировались из фондов корпорации Карнеджи. Вряд ли эта корпорация стала бы финансировать написание книг, содержание которых не соответствует политическим убеждениям ее руководителей. Ведь ни одно из издательств не напечатало до сих пор докторской диссертации Ф. А. Эккера, защищенной в 1952 г. в Мичиганском университете¹⁰, в которой, наряду со стереотипными домыслами буржуазной пропаганды, содержались материалы, убедительно свидетельствующие о замечательных переменах в Советском Узбекистане.

В рамках одной статьи, разумеется, невозможно дать хотя бы беглый обзор буржуазной литературы по всем вопросам, связанным с советским периодом истории Узбекистана. Поэтому автор счел целесообразным показать, как освещается в современной английской и американской историографии Октябрьская революция и гражданская война в Узбекистане. В зависимости от того, как определяются цели и задачи социалистической революции, как оцениваются ее движущие силы и результаты, можно безошибочно судить об идейных позициях того или иного автора, глубже раскрыть смысл его концепции всего последующего развития Узбекистана.

⁸ A. Park. *Bolshevism in Turkestan*, N. Y., 1957, p. IX.

⁹ R. Pipes. *The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism, 1917—1923*, Cambridge, Massachusetts, 1954; A. Park. Указ. соч., S. Zhenkovsky. *Pan-Turkism and Islam in Russia*, Cambridge, Massachusetts, 1960.

¹⁰ F. A. Ecker. *Transition in Asia. Uzbekistan under Soviets*. Микрофильм имеется в Гос. библиотеке СССР им. В. И. Ленина.

Буржуазные националисты утверждали в свое время, что революция в Узбекистане была совершена русскими вопреки воле и желанию местного населения. В своих работах они пытались доказать, что главная цель революции заключалась в замене одних угнетателей другими, одной колониальной формы — другой, вследствие чего местное население якобы выступало против большевиков или, в лучшем случае, оставалось пассивным.

Ныне эти давным-давно опровергнутые утверждения с удивительной настойчивостью повторяют Кэроу, Коларц, Хостлер, Динерштейн, Башковский, Пап, Парк, Пайпс, Зеньковский¹¹ и другие американские и английские авторы. Исказить социальный и политический смысл Октябрьской революции, изобразить ее борьбой русских с местным населением, извратить основные цели национальной политики Коммунистической партии Советского Союза — таково главное назначение этих работ. Явно преувеличивая некоторые детали и преуменьшая значение основных фактов и событий, их авторы выдвигают на передний план неизбежные в тех условиях теневые моменты, вызванные большей частью ошибками некоторых местных органов Советской власти, и в то же время игнорируют все главное, прогрессивное и великое в Октябрьской революции.

Один из разделов своей работы Коларц так и озаглавил «Русский характер Октябрьской революции», что сразу же должно определенным образом ориентировать читателя. «Революция была русской революцией, — уверяет он. — Она была русской не только в том смысле, что имела место в России, но и в том смысле, что была совершена людьми, которые были русскими в этническом и культурном отношении». По утверждению Коларца, Октябрьская революция не только не ликвидировала русскую колонизацию, проводившуюся царским правительством в крае, но и дала ей новый толчок, якобы «навязав» народам Средней Азии идеалы пролетариата Петрограда и Москвы. Это и было основной целью большевиков, заключает Коларц¹².

Кэроу рисует более сложную, но в конечном итоге столь же фальшивую картину Октябрьской революции в Средней Азии. Население Туркестана, отмечает он, перед революцией было разделено на русское и местное. Среди русских основными силами были буржуазия, мелкая буржуазия, рабочие и поселенцы (число которых после столыпинских реформ быстро росло), среди местного — верхушка (баи, муллы, торговцы), кочевники — казахи и башкиры, басмачи и национальная интеллигенция. Хотя он отмечает, что эти группы не были едины, анализ классовых отношений у народов Туркестана у него отсутствует. Упор делается опять-таки на противопоставление русских мусульманам. Кэроу утверждает, что «наблюдалось фундаментальное расхождение интересов между туземным и русским населением». Кроме того, добавляет он, русские в основной своей массе были крестьянами-земледельцами, тогда как местное население вело кочевой образ жизни, сохраняло «традиционное» презрение к земледелию, что еще более обостряло межнациональные противоречия¹³. Чувствуя себя в опасности, русское население-де сочло необходимым обратиться за защитой к большевикам, которые были, несмотря на малочисленность, довольно монолитной группой. Кэроу изображает большевиков кучкой властолюбцев, совершивших Октябрьский переворот в своих собственных корыстных

¹¹ O. Carot. Указ. соч.; W. Kolarz. *Russia and her Colonies*, L., 1953; C.W. Hostler. *Turkism and Soviets*, L., 1957; H. Dinerstein. *Sovietization of Uzbekistan*, «Harvard Slavic Studies», vol. IV, Cambridge, Massachusetts, 1957. W. B a s z k o w s k y. *Russian Colonialism: the Tzarist and Soviet Empires*, «The Idea of Colonialism»; там же: M. S. P a p. *Some Aspects of Soviet Colonialism and Anticolonialisms*; A. P a r k. Указ. соч.; R. P i p e s. Указ. соч.; S. Z e n k o v s k y. Указ. соч.

¹² W. Kolarz. Указ. соч., стр. 7—8.

¹³ O. Carot. Указ. соч., стр. 98.

целях. Как же удалось маленькой горстке людей совершить революцию и утвердить новый общественный строй во всей России, вплоть до ее далеких окраин? Как могли большевики победить в тех труднейших условиях, без боеприпасов и продовольствия, при страшной разрухе, царившей в экономике и на транспорте, окруженные со всех сторон белогвардейцами, басмаческими бандами и зарубежными интервентами? Кэроу пытается справиться с этими затруднительными вопросами совершенно неожиданным способом. Отмечая тяжелое положение Советской власти в Средней Азии в 1919 г., он приходит к заключению, что ее спасли... венгерские и австрийские военнопленные. «Действительной силой, которая вытащила их (большевиков.— Г. Х.) из кризиса, являлись прежде всего венгерские и австрийские военнопленные, которые честно служили им в благодарность за освобождение и за снабжение продовольствием во время голода»¹⁴. Нечего и говорить о смехотворности этого тезиса. Как могли большевики с помощью нескольких тысяч венгров и австрийцев разгромить белогвардейские отряды Дутова и Зайцева, ликвидировать басмаческие банды и создать национальные республики?

Зеньковский в своей работе «Пантюркизм и ислам в России» несколько отходит от описанного выше шаблона в оценке Октябрьской революции и гражданской войны в Туркестане. Однако и эта книга написана под сильным влиянием буржуазных националистов, троцкистов и белогвардейцев¹⁵. Автор утверждает, что местное население Туркестана в период революционных событий 1917 г. выступало лишь в роли пассивного наблюдателя. «От февраля до октября 1917 г., как и в последующие месяцы, которые определяли судьбу будущих десятилетий, политические события очень мало трогали огромное большинство мусульман Средней Азии». Эту «политическую апатию» Зеньковский объясняет «оазисной психологией» населения Туркестана. Суть ее заключается в том, что единственным идейным и организационным связующим звеном населения был ислам, и если политические события не касались религиозных чувств, то дехкане и городское население выдерживали якобы полный нейтралитет между борющимися силами, что и наблюдалось во время революции. В результате, пишет Зеньковский, «политическая апатия местного населения и его культурная отсталость создали вакуум власти после разрушения царской администрации, который быстро заполнили сторонники Советской власти». Опорой большевиков по мнению Зеньковского были лишь железнодорожные рабочие, часть солдат бывшей регулярной царской армии, присоединившаяся к красным, и особенно интернациональные батальоны, сформированные из венгерских, австрийских и германских военнопленных¹⁶.

Но обратимся к реальным фактам истории Средней Азии в этот период. Февральская революция 1917 г. застала Туркестан в такой период его развития, когда основная масса населения — дехкане страдали от безземелья; в отдельных областях безземельные дехкане составляли 40—50%, а по всему Туркестану их насчитывалось 1,2 млн. Деревня стонала под двойным гнетом — феодальным и торгово-ростовщическим. На 702 предприятиях (в основном по первичной обработке хлопка) работало 20 925 рабочих (72% из них были представителями местных национальностей)¹⁷, они подвергались жесточайшей эксплуатации.

С другой стороны, быстро росла местная торгово-промышленная буржуазия, тесно связанная с баями и духовенством. Появились круп-

¹⁴ О. Сагое. Указ. соч., стр. 103.

¹⁵ Зеньковский говорит в предисловии, что в работе над книгой ему помогли беседы с Мустафой Чокаевым, А. Валидовым (Велиди Тоған), генералом казачьих войск в Оренбурге Акулиным, полковником Ф. Гнездиным, организатором антисоветского движения в Ташкенте в сентябре 1917 г., и др. См. S. Zenkovsky. Указ. соч., стр. X.

¹⁶ S. Zenkovsky. Указ. соч., стр. 225, 227—231.

¹⁷ Х. Ш. Иноятов. Октябрьская революция в Узбекистане, М., 1958, стр. 13, 16.

ные капиталисты, состояние которых достигало миллионов. Они являлись опорой царизма, выполняли роль посредников между местной верхушкой и русской крупной промышленной буржуазией, стремясь вместе с тем урвать себе львиную долю в эксплуатации местного населения.

Уже в первые дни после Февральской революции 1917 г. обнаружилась полная противоположность интересов широких народных масс и эксплуататорских классов. Образованный Временным правительством Туркестанский комитет, в котором преобладали меньшевики и эсеры, не разрешил ни одной из насущных задач революции: остался, по существу, нетронутым старый аппарат колониальной власти, так и не был решен земельно-водный вопрос, не произошло изменений в положении крестьян. Представители местной буржуазии, баев и реакционного духовенства пытались всячески затормозить развитие революции, стремились подчинить своему влиянию растущее национально-освободительное движение. Съезды националистических организаций — связанной с кадетами «Шуро-Исламия» и откровенно реакционной — «Шуро-Улемы», прошедшие в апреле и октябре 1917 г., показали, что их руководители поддерживают скомпрометировавший себя Туркестанский комитет и, прикрываясь исламом, хотят создать единое тюркское буржуазно-помещичье государство (где они могли бы угнетать коренное население), укрепить позиции национальной буржуазии, помещиков, ханов и мулл.

Но развитие революционно-освободительного движения пошло не так, как хотели буржуазные националисты. Следует отметить, что вследствие сохранения полуфеодальных отношений в деревне, неразвитости национального рабочего класса и сильного влияния духовенства массы местных национальностей до Февральской революции в политическом отношении были развиты весьма слабо. Но бурные события Февраля 1917 г. и последующего периода способствовали быстрому идейному и организационному росту трудящихся Туркестана. В. И. Ленин указывал: «За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большему, чем в год обычной, сонной жизни. Ибо на крутом переломе жизни целого народа становится особенно ясно видно, какие классы народа преследуют те или иные цели, какою силою они обладают, какими средствами они действуют»¹⁸.

После Февральской революции в туркестанских социал-демократических организациях стали оформляться группы большевиков, которые, несмотря на их относительную малочисленность, приобрели большой авторитет среди трудящегося населения. В Ташкентской, Наманганской, Самаркандской, Кокандской и Ходжентской большевистских группах особенно активную роль играли солдаты и местные рабочие. С ростом сознательности трудящихся влияние буржуазных националистов быстро слабело и одновременно усиливался авторитет большевиков.

Уже в марте — мае 1917 г. возникли различные профессиональные объединения рабочих местных национальностей. В старом городе Ташкента был организован союз строительных рабочих-мусульман, в который сразу же вошло около тысячи человек. Организатором и первым председателем этого союза стал рабочий Султанходжа Касымходжаев, впоследствии первый председатель Ташкентского Совета профсоюзов. Были созданы также союз металлистов (председатель Нурмат Халмухамедов), союз чернорабочих и грузчиков (председатель Зайнутдин Ильясов), союз приказчиков и писарей — мусульман (председатель Фазыл-джан Валидбаев). Вскоре число профсоюзов трудящихся мусульман выросло до 13¹⁹. Они были созданы в Ташкенте, Самарканде, Скобелеве, Коканде, Катта-Кургане, Ходженте, почти во всех городах

¹⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 205.

¹⁹ «Правда Востока», 4 ноября 1956 г.

Узбекистана. В тесном взаимодействии с Советами рабочих и солдатских депутатов союзы боролись за интересы народных масс.

С апреля 1917 г. в революционные массы вливается новая струя — вернувшиеся в Украины и из Центральной России тыловые рабочие. Общение с русским пролетариатом обогатило их опытом борьбы. Революционное брожение захватило и кишлаки. Отовсюду полицейские чины доносили о волнениях дехкан. Наблюдались случаи организованных выступлений дехкан против баев и кулаков, которые Туркестанский комитет подавлял силой оружия²⁰.

Рост революционности местных трудящихся особенно наглядно показала первомайская демонстрация 1917 г. в Ташкенте. Весь день 1 Мая красное знамя полыхало над старым городом, как символ новой жизни. Демонстранты старого города и европейской части Ташкента объединились и направились к городской думе. В этот день «Интернационал», по свидетельству очевидцев, звучал на узбекском языке так же мощно, как и на русском. Демонстрация продолжалась до 6 часов вечера и оставила, как писала газета «Улуг Туркестан», «в сознании мусульман большой след»²¹. В старом городе под руководством С. Касымходжаева, А. Бабаджанова, М. Шермухамедова и других были организованы боевые дружины, которые впоследствии участвовали в восстании 30 октября 1917 г. В этих боях сражались юноши и девушки из местного населения. Специальная группа рабочих-узбеков ходила по домам в старом городе, собирала у жителей продукты питания для восставших. Таким образом, очевидно, что не может быть и речи о «политической апатии» или «индифферентности» населения Туркестана. Трудящиеся массы отнюдь не оставались безучастными в революционных событиях 1917 г.

1 ноября 1917 г. власть в Ташкенте перешла в руки пролетариата. Социалистическая революция победила. В течение полутора месяцев после этого Советская власть была установлена на территории всего Узбекистана, за исключением Хивы и Бухары, где феодальный строй сохранялся до 1920 г.

Вопреки неоспоримым историческим фактам Парк утверждает, что после победы Октябрьской революции все население Туркестана, все слои без исключения, выступили против большевиков. Ссылаясь на решение третьего съезда мусульман, состоявшегося в ноябре 1917 г. и выразившего под давлением крупнейших помещиков, местной буржуазии и духовенства свое враждебное отношение к Советской власти, он пишет: «Местное крестьянство последовало за ними. Им революция казалась не чем иным, как новым режимом европейских эксплуататоров. Даже местный рабочий класс отказался поддерживать новое правительство». Далее Парк заявляет, что за исключением русских рабочих, местного военного гарнизона и некоторых элементов «европейской мелкой буржуазии», «почти каждая группа в Туркестане повернула против советского режима»²². Хотя в действительности в период между февралем и ноябрем 1917 г. в Туркестане происходило в своеобразных условиях перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую, социалистическую, по Парку получается, что в это время боролись между собой две революции: одна — пролетарская, европейских рабочих и солдат в Ташкенте, а другая — буржуазно-националистическая, средней буржуазии, за которой пошло все местное население. Эти революции, пишет Парк, взаимно исключали друг друга, одна из них должна была неизбежно уничтожить другую²³. Но, говоря о «всеобщем выступлении» местного населения против Советской власти,

²⁰ Х. Ш. Иноятов. Указ. соч., стр. 64—66.

²¹ Там же, стр. 59.

²² А. Парк. Указ. соч., стр. 15.

²³ Там же, стр. 22.

Парк явно пытается выдать желаемое за действительное. На самом деле та «революция», которую Парк выдает за национальную, была выступлением жалкой кучки буржуазных националистов, завершившимся провозглашением в ноябре 1917 г. так называемой «Кокандской автономной республики», или, как ее называют в нашей литературе, Кокандской автономии. Что же касается местных трудящихся, то они в большинстве своем стали на сторону Советской власти и поддерживали ее. Рабочие завода Ходжаева на станции Горчаков решили оказывать помощь Совету рабочих и солдатских депутатов «всеми имеющимися средствами». В их резолюции говорилось: «Протягиваем ему руку, братскую мозолистую руку, которую более 50 лет эксплуатировали кулаки-баи и чиновники — ставленники Николая II. Мы протягиваем руку русскому пролетариату, в котором мы, темные мусульмане, видим истинного защитника рабочего и трудящегося класса, освободившего нас от нагайки чиновника и кулака-бая»²⁴. Трудящиеся местных национальностей Учменского, Нумского, Фарижского, Сарымсакского, Сафар-Ангинского сельских обществ Фарижской волости горячо приветствовали Советскую власть. «Мы надеемся, что эта власть облегчит наше положение бедного народа и мы не будем голодать, как голодали раньше, не будем дрожать под кулаком буржуазин», — говорится в резолюции, принятой на собрании членов обществ²⁵.

Эти и многие другие документы отражают истинное отношение широких трудящихся масс Узбекистана к Советской власти. Они верили в Октябрьскую революцию, в Советскую власть и видели в ней надежную гарантию полного освобождения от колониального рабства и гнета эксплуататоров. В то же время буржуазные националисты стремились использовать революцию для захвата власти в Туркестане и установления здесь буржуазно-помещичьего строя. Таким образом, Октябрь провел четкую грань между трудящимися мусульманами и буржуазными националистами.

В первые же дни после революции буржуазные националисты скапались на путь сговора с контрреволюцией и превратились в активную контрреволюционную силу. Выступление буржуазных националистов 13 декабря 1917 г. в Ташкенте показало, что за ними идут лишь духовенство, русские белогвардейцы и обманутые мелкобуржуазные слои старого города. Провал этого выступления был верным барометром сложившейся политической обстановки в Туркестане. Было ясно, что народ не поддержит контрреволюционеров. Об этом прекрасно знали и сами националисты. «У нас не было надежды на какой-либо успех», признавался впоследствии сам «президент» Кокандской автономии Чокаев²⁶. И если в конце ноября 1917 г. националисты провозгласили Кокандскую автономию, бросив тем самым вызов Советской власти, то это был расчет, с одной стороны, на помощь белоказацких частей атамана Дутова и полковника Зайцева, дислоцировавшихся в Хиве, а с другой — на интервенцию англичан в Туркестан.

Кокандская автономия была по сути своей открытым проявлением борьбы феодально-буржуазной контрреволюции против социализма. «Автономное правительство» Коканда опиралось на феодально-байские верхи, мусульманское духовенство, волостных управителей, аксакалов, русских кадетов и черносотенцев. Оно установило связи с атаманом Дутовым и с буржуазно-националистической радой на Украине. Серьезную поддержку кокандским националистам оказал и англо-американский империализм²⁷. Во главе «войск» автономии стоял бандит Иргаш.

²⁴ «История Узбекской ССР», т. II, Ташкент, 1955, стр. 53.

²⁵ См. Х. Ш. Иноят ов. Указ. соч., стр. 146.

²⁶ М. Chokayev. The Basmachi Movement in Turkestan, «The Asiatic Review», 1928, vol. XXIV, p. 279.

²⁷ См. «История Узбекской ССР», т. II, стр. 52—53.

Парк расценивает Кокандскую автономию как воплощение идеалов национально-освободительного движения в Туркестане, под знаменем которого сплотились широкие народные массы. По крайней мере кокандское правительство, по его словам, «обладало гораздо более широкой популярностью, чем Ташкентский Совет». Но всем известно, что трудящиеся массы не пошли за кокандскими автономистами, что и обрекло автономию на провал. Говоря о ее разгроме, Парк не стесняется открыто извращать факты. «Главную роль,— пишет он,— сыграло то, что Ташкентский Совет имел оружие и солдат, чего не было у кокандского правительства»²⁸. Цель подобных утверждений — скрыть, что разьедаемое внутренними противоречиями, отвергнутое народом буржуазно-националистическое правительство неминуемо должно было отправиться на свалку истории. Характерно, что этого не могут отрицать порой и сами буржуазные авторы. В противоположность Парку Р. Пайпс заявляет, что Кокандская автономия никогда не имела опоры в народных массах. Лишь несколько поселений в Ферганской долине признали суверенитет Коканда, пишет он, но весь Туркестан не последовал за ними. Число сторонников кокандского правительства таяло с каждым днем, и в конце января 1918 г. оно могло положиться лишь на несколько сот плохо вооруженных и неопытных добровольцев²⁹. Даже С. Зеньковский выражает сомнение в том, что делегаты съезда мусульман в Коканде в ноябре 1917 г., на котором была провозглашена Кокандская автономия, выражали действительный голос народа. «Во всяком случае,— пишет он,— наблюдалась диспропорция в представительстве различных районов». Так, от Ферганы на конференции присутствовало 150 делегатов, от Сыр-Дарьи — 22, от Самарканда — 23, от Транскаспия — 1. Уже один этот факт совершенно лишал заправил автономии права говорить от имени народов Туркестана. Кроме того, и в самой Фергане, пославшей более чем $\frac{3}{4}$ всех делегатов, кокандское правительство, по мнению Зеньковского, «не имело активной поддержки». Касаясь боев за Коканд в феврале 1918 г., он замечает, что местное население не выступило в защиту Кокандской автономии. Буржуазно-националистическое правительство имело в своем распоряжении лишь несколько полицейских соединений и отрядов из горных кипчаков. «Ни в самом городе, ни в других частях Ферганской области никто больше из местного населения не принял участия в обороне», — пишет Зеньковский³⁰.

Необходимо остановиться еще на одной клевете, бытующей в буржуазной литературе. Ссылаясь на полковника Эзертон, Парк рисует мрачную картину взятия Коканда частями Красной гвардии, когда, по его данным, погибло в резне 14 тыс. мусульман. Желая еще более сгустить краски, Парк утверждает, что Советское правительство в стремлении наказать жителей Коканда реквизировало все запасы продовольствия в области, приостановило ввоз зерна, вследствие чего от голода погибло якобы от 25 до 30% населения Кокандской области³¹.

Примечательно, что Парк не ссылается на сколько-нибудь достоверный источник для подтверждения своих домыслов. Но в настоящее время точно установлены виновники жертв Коканда в феврале 1918 г. В первую очередь это главари кокандских автономистов. После неудачной попытки привлечь на свою сторону местных жителей лидеры Кокандской автономии приказали бандиту Иргашу, назначенному главнокомандующим войск Коканда, вырезать всех сторонников Советской власти. В начале января 1918 г. Иргаш устроил кровавую бойню в Коканде, где было убито и замучено свыше полутора тысяч невинных

²⁸ А. Парк. Указ., соч., стр. 21—22.

²⁹ R. Pipes. Указ. соч., стр. 175.

³⁰ S. Zenkovsky. Указ. соч., стр. 233, 235, 236.

³¹ А. Парк. Указ. соч., стр. 21—22.

людей, главным образом членов Союза трудящихся мусульман и профсоюзов, заявивших о своей верности Советской власти³². Вооруженную борьбу в Коканде также спровоцировали впоследствии сами руководители Кокандской автономии. В ночь с 29 на 30 января 1918 г. их сторонники произвели нападение на крепость, которую занимал краснотатарский гарнизон.

Мы погрешили бы против исторической правды, если бы не указали и на других виновников кокандской резни. Речь идет об армянских буржуазных националистах — дашнаках. В начале 1918 г. контрреволюционное движение дашнакцуютон создало в Туркестане многочисленные филиалы. Особенно много их было в Ашхабаде, Мерве и городах Ферганской долины. Главари дашнаков под видом краснотатарцев грабили и убивали трудящихся мусульман, стремясь вызвать у них ненависть к Советской власти. «После разгрома «автономистов», — пишет Шамагдиев, — банды дашнаков под флагом советских дружин в течение 9 дней грабили Коканд. Они вырезали поголовно жителей 10 махали (кварталов) города». Всего от рук басмачей и дашнаков только в Коканде в период его штурма погибло до 10 тыс. человек³³. Именно дашнаки составили основную массу мародеров, которые грабили и жгли город. Факты бесчинств и убийств, совершенные дашнаками, подтверждают очевидцы³⁴. Эти факты не могут быть неизвестны буржуазным авторам, так как имеются в тех материалах, которые они часто цитируют и на которые ссылаются, как на авторитетные источники. В том же номере газеты «Новый Туркестан» за 3 марта 1918 г., который Парк цитирует на стр. 21, имеется прямое указание на то, что главную роль в грабежах и терроре играли дашнаки. В статье «Социальная природа басмачества в Туркестане», на которую ссылается Пайпе, специально подчеркивается участие дашнаков в террористических актах против населения Коканда³⁵. Таким образом, именно к буржуазным националистам — узбекским и армянским относятся обвинения в терроре и жестокости, инкриминируемые Парком, Пайпсом и Зеньковским Советской власти.

Крах всех попыток опереться на трудящиеся массы заставил местную буржуазно-помещичью верхушку перейти к бандитской вооруженной борьбе шаек убийц и грабителей, широко известной в литературе под названием басмачества.

* * *

Не будет преувеличением сказать, что вопрос о басмачестве занимает в английской и американской литературе по Средней Азии центральное место. Это не случайно. Длительная борьба с басмачеством, принимавшая самые ожесточенные формы, обширный и важный в экономическом отношении район распространения басмачества, его псевдодемократичность и игра его лидеров (журбаши) с лозунгами национального освобождения — все это используется для самых различных кривотолков по поводу истинной природы басмаческого движения.

Буржуазные авторы поднимают басмачество на щит как «доказательство» вражды народных масс Средней Азии к Советской власти и к русским революционерам. Английские и американские реакционные историки изображают басмачество как всенародное выступление населения Средней Азии против русских, под которыми молчаливо подразумевается Советская власть.

³² Ш. А. Шамагдиев. Очерки истории гражданской войны в Ферганской долине, Ташкент, 1961, стр. 44.

³³ См. Ш. А. Шамагдиев. Указ. соч. стр. 54—55.

³⁴ См. «В боях за Советскую власть в Ферганской долине (Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны 1917—1923 гг.)», Ташкент, 1957, стр. 129, 164, 182 и др.

³⁵ См. «Жизнь национальностей», 1923, № 3—4, стр. 56.

В книге Кэроу басмачеству отводится целая глава, причем для большей достоверности она наполовину заполнена отрывками из книги Тогана «Страна тюрков сегодня». Кэроу вслед за Тоганом оценивает басмачество как «великое национальное движение, в котором на долгие годы слились все силы, способные играть активную роль». По словам Кэроу, к басмачеству примыкнули участники восстания Дукчи Ишана в 1898 г. и Мердекерского восстания 1916 г., племена узбеков, киргизов, казахов, молодая интеллигенция, турецкие офицеры, многие афганцы. В конечном счете получается, что в это движение втянулись все классы всех национальностей Средней Азии. «Со времени Шейбани-хана,— уверяет Кэроу,— в Туркестане не было национального движения, которое можно было бы сравнить с этим»³⁶.

Но почему же в таком случае басмачи потерпели поражение? Кэроу указывает две причины. Во-первых, их главари не смогли установить общего фронта с младобухарцами, захватившими в это время власть в Бухаре, хотя те делали неоднократные попытки договориться. Во-вторых, среди главарей басмачества не было фигуры, подобной Бабуру, в котором сочетался ученый, поэт, основатель государства и воин. В восхвалении басмачества Кэроу доходит до абсурда: даже сами буржуазные националисты не осмеливались в одном ряду упоминать Бабура — великого поэта и государственного деятеля — с бандитом Иргашем, с убийцей Мадамином, с вором и палачом Курширматом.

Хостлер утверждает, что басмаческое движение вдохновлялось главным образом пантюркистскими идеями. Узбеки, казахи, таджики и туркмены, пишет он, сознательно объединились с лидерами оттоманских пантюркистов в борьбе за освобождение наибольшей части тюркского мира. Как и Кэроу, Хостлер идеализирует и превозносит басмачей. Правда, в отличие от Кэроу, он изображает их не только «борцами за свободу», но и единственными поборниками порядка в Туркестане в эти беспокойные годы. С умилением пишет Хостлер, что в районах, контролируемых басмачами, был якобы установлен «порядок... прекратились грабежи и бандитизм, была пересмотрена система сбора налогов»³⁷.

В книге Парка басмачество также изображается движением не социальным или политическим, а прежде всего национальным, направленным против русских. Автор утверждает, что оно возникло как протест против «колонизации Туркестана русскими переселенцами». Что касается отношения к басмачеству народных масс, то, по его мнению, «поддержка со стороны крестьян была полной»³⁸. Хотя басмаческое движение прикрывалось религиозными терминами, заявляет автор, сущность его выражалась в двух лозунгах: «Туркестан национален» и «Туркестан без угнетателей». Парк избегает заниматься более глубоким анализом целей, движущих сил басмачества, ограничиваясь лишь цитированием рассуждений одного из его идеологов, Ходжи Сали-бая.

Р. Пайпс, хотя и придерживается обычной для буржуазных историков оценки басмачества, склонен более трезво оценивать его характер. Басмачи, отмечает Пайпс, были самыми заурядными бандитами и разбойниками, которые грабили на больших дорогах Туркестана еще до Октябрьской революции. Их ряды пополнились за счет уголовников, выпущенных из тюрем по амнистии Временного правительства, и безработных крестьян-батраков, число которых резко увеличилось в связи с кризисом в хлопчатобумажной промышленности Туркестана в 1917 г. Кроме того, после разгрома Кокандской автономии к басмачам при-

³⁶ О. Сагое. Указ. соч., стр. 128.

³⁷ С. W. Hostler. Указ. соч., стр. 165.

³⁸ А. Парк. Указ. соч., стр. 41.

соединились «мусульмане, связанные с кокандским правительством» и некоторые жители Ферганской долины, «озлобленные злоупотреблениями органов Советской власти». Эти элементы якобы и придали басмачеству характер движения «народного сопротивления». Пайпс делает вывод, что «все движение сопротивления, известное как басмачество, было не столько воплощением позитивной политической или социальной философии, сколько реакцией отчаяния на дурное обращение и злоупотребление властью. Это движение рухнуло, как только они были ликвидированы»³⁹. Но и Пайпс, отметив в отличие от Кэроу, Хостлера, Парка такую важную черту басмаческого движения, как участие в нем чисто уголовного элемента, игнорирует истинные мотивы, породившие басмачество, стремится затушевать сущность этого движения.

Дело в том, что по своему характеру басмаческое движение, развернувшееся в Туркестане в первые месяцы Советской власти, было открытым контрреволюционным выступлением крупной буржуазии, баев и духовенства. Главной целью руководителей и организаторов басмачества было свергнуть Советскую власть, реставрировать феодально-капиталистические отношения в Туркестане, оторвав его от Советской России, что неизбежно привело бы к превращению Туркестана в колонию иностранных империалистов.

Басмачи выступили в момент, когда Туркестан со всех сторон был охвачен фронтами — в Казахстане свирепствовали белочехи и белогвардейцы, на севере — банды атамана Дутова, в Закаспии — интервенты. Басмаческое движение было, таким образом, частью общего контрреволюционного наступления на Советский Туркестан. Следует отметить при этом, что басмачество никогда не превратилось бы в серьезную силу, если бы не иностранная, в частности английская помощь оружием, боеприпасами и деньгами. М. Чокаев откровенно замечал по этому поводу: «Первая вещь, которую усвоили лидеры басмачей, было убеждение, что невозможно освободить страну от Советской власти их собственными силами. Отсюда попытка обратиться за помощью к Англии»⁴⁰.

С первых же дней своего появления басмачество проявило себя не только врагом Советской власти, но и врагом всего трудящегося населения. Басмачи объединялись в разбойничьи банды, грабившие местное население, опустошавшие поля, топтавшие сады. По всему Туркестану неслись страшные вести о зверствах басмачей. Кровавые следы оставляли они за собой — выжженные кишлаки, разграбленные дома, истерзанных людей. Кэроу, романтизируя этих извергов, утверждает, что народ слагал о них песни. Но он не приводит ни одной, поэтому мы решили помочь ему.

Вот какие песни пел народ Туркестана⁴¹:

Ты нападал на мирных дехкан, басмач,
Грабил последнее ты у бедняка, басмач,
Скот угонял и на наших базарах потом
Этим награбленным ты торговал скотом.
Молишь тебя: «Возврати, это мой последний баран!»
Что тебе горе и слезы чужие, тиран!
Пуля и нож — твой ответ на бедняцкий плач!
Сгинь же, как снег на горах, разбойник-палач!

Эта песня как нельзя лучше отражает и характер басмаческого движения и отношение к нему народных масс.

Басмаческие отряды состояли в основном из наемников. В книге А. Коканбаева приводится любопытный документ, показывающий, что

³⁹ R. Pipes. Указ. соч., стр. 259—260.

⁴⁰ М. Чокаев. Указ. соч., стр. 287.

⁴¹ «История литературы народов Средней Азии и Казахстана», М., 1960, стр. 154.

рядовому басмачу Мадамин платил 1000 руб. в месяц, а офицеру — 2000 руб.⁴² Чтобы содержать большой контингент войск, недостаточно было пожертвований крупных торговцев и баев или английских денег. Главари басмачей нагло грабили местное население. В работе А. Коканбаева приводится приказ курбаши Казак-Бая пятидесятнику Токтасыну, в котором он требует собрать с жителей и передать басмачам 300 тыс. руб. Приказ сопровождался угрозами. Среди басмачей были люди, завербованные насильственно, угрозами или шантажом, обманутые басмаческой демагогией бедные дехкане и некоторые лица, озлобленные ошибками, допущенными местными органами Советской власти⁴³. Басмаческие банды боролись не ради каких-либо национальных идей. В противоположность Хостлеру, который видит в басмачестве олицетворение идей пантюркизма, бывший лидер «автономистов» Чокаев сокрушается насчет того, что у басмачей не было ни «ясно выраженной национальной идеологии, ни определенной программы»⁴⁴.

Отметим, что в разгроме басмачей главную роль играли не военные действия, а ряд мероприятий экономического и политического характера, проведенных в Ферганской долине в 1920—1921 гг. Правительство РСФСР выделило кредит в 5 тыс. пудов семенного зерна для раздачи крестьянам Ферганской долины, были снижены государственные налоги, а в ряде случаев дехкане полностью освобождались от них. 150 млн. руб. было ассигновано на восстановление ирригационной системы в Ферганской долине, ряду крестьянских хозяйств помогли тяжелой силой, используя при этом лошадей советских учреждений и армейских отрядов, организовали помощь продуктами. Кроме того, в начале 1920 г. была объявлена амнистия всем участникам басмаческого движения. Советы и местные органы были очищены от примазавшихся элементов, развернулась широкая агитационная и разъяснительная работа среди местного населения. Все эти мероприятия сыграли решающую роль в ликвидации басмаческого движения.

В борьбе с басмачеством Советская власть в Туркестане опиралась в первую очередь на местные трудящиеся массы. Активно выступили против басмачей трудящиеся Ташкента, Андижана, Коканда и других городов и кишлаков Туркестана. Население создавало отряды самозащиты и добровольческие отряды. Более 15 тыс. трудящихся Ферганы сражались против басмачей с оружием в руках⁴⁵. А. Коканбаев отмечает: «На борьбу с басмачеством поднялось все трудовое население, которое могло носить оружие»⁴⁶. В мае 1920 г. был объявлен призыв в Красную Армию трудящихся местных национальностей. Это было проявлением доверия к коренному населению. В армию вступило 30 тыс. человек. Они активно боролись против басмачей. Следует отметить также, что постепенно многие трудящиеся дехкане, обманом завербованные в басмаческие банды, распознали истинные цели курбашей и стали переходить на сторону Красной Армии. Из них были организованы Старомаргеланский конный полк, Узбекский четвертый кавалерийский полк и другие части, отличившиеся при разгроме остатков басмаческих банд. Басмачество было ликвидировано уже к концу 1922 г., и лишь отдельным шайкам удалось продержаться до 1924 г. Так, проклятое своим народом, бесславно закончилось контрреволюционное националистическое движение, известное под названием басмачества.

Выдавая выступления буржуазных националистов и басмачей за «всенародные восстания» против Советской власти, буржуазные исто-

⁴² А. Коканбаев. Борьба с басмачеством и упрочение Советской власти в Фергане, Ташкент, 1958, стр. 49.

⁴³ В ряде местных органов засели агенты контрреволюционеров, которые подчас предпринимали умышленные действия, порочащие Советскую власть.

⁴⁴ М. Чокаев. Указ. статья, стр. 282.

⁴⁵ «История Узбекской ССР», т. II, стр. 121.

⁴⁶ А. Коканбаев. Указ. соч., стр. 65.

рики утверждают, что причиной их была политика Коммунистической партии и Советского правительства, якобы игнорировавшая интересы местных национальностей и обрекавшая их на положение колониальных рабов. Эти авторы пытаются спекулировать на том факте, что отдельные коммунисты и некоторые советские организации Туркестана в первые месяцы после Октябрьской революции допустили ряд ошибок, выразившихся в извращении ленинских принципов национальной политики. Под влиянием пробравшихся в партию шовинистически настроенных элементов был принят ряд принципиально неверных решений, вызвавших болезненную реакцию со стороны местного населения⁴⁷. Однако эти отдельные ошибки не должны заслонять огромную положительную работу, которая была проведена еще до создания в 1919 г. Турккомиссии. 3 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров Туркестана принял постановление о ликвидации аппарата царской колонизаторской политики — переселенческого управления и его органов на местах. В кишлаках были созданы земельные комитеты, через которые дехкане вовлекались в управление сельским хозяйством. Дехканской бедноте предоставлялся мелкий кредит, оказывалась постоянная помощь хлебом, семенами, денежными средствами, сельскохозяйственным инвентарем. Наркомзем выдавал беднякам хозяйствам денежные субсидии. В марте — мае 1918 г. были национализированы все частные банки, крупные промышленные предприятия, железные дороги. На предприятиях был введен рабочий контроль, восьмичасовой рабочий день и в ряде мест повышена зарплата. Эти первые мероприятия являлись практическим осуществлением политики Коммунистической партии. Они еще больше сплотили трудовой народ Туркестана вокруг Советской власти.

Английские и американские реакционные историки намеренно игнорируют эти исторические факты. Они концентрируют основное внимание на ошибках туркестанских коммунистов, расценивая их в конечном счете как выражение главного направления национальной политики большевиков в Туркестане. «Политическая дискриминация в отношении мусульманского населения, — пишет А. Парк, — была очевидной с самого начала правления Советской власти»⁴⁸. Парк ссылается при этом на декларацию III Краевого съезда Советов Туркестана в ноябре 1917 г., который якобы высказался против приема на работу в государственный аппарат представителей местных национальностей. На эту декларацию как на пример национальной дискриминации указывают также Зеньковский и Пайпс. Однако в декларации о власти, принятой на этом съезде, отмечается, что широкие слои населения будут привлекаться к активной работе в советских органах и будут созываться съезды «представителей мест, не исключая и мусульман». Правда, декларация предлагала не включать в настоящее время представителей местного населения в орган высшей краевой революционной власти⁴⁹. Хотя эта часть декларации в значительной степени была продиктована стремлением пресечь притязания на власть буржуазно-феодалов националистов, в частности реакционной организации «Шурои-Улемы», однако она явно недооценивала национальные демократические организации, активно поддерживавшие большевиков в борьбе за власть Советов. Эту принципиальную ошибку не скрывает наша историческая наука, и о ней уже много писалось.

⁴⁷ Об этом много писалось в нашей литературе. См. Э. А. Воскобойников, А. И. Зевелев. Турккомиссия ВЦИК и СНК РСФСР и Туркбюро ЦК РКП(б) в борьбе за укрепление Советской власти в Туркестане, Ташкент, 1951; «История Узбекской ССР», т. II; К. А. Житов. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане, Ташкент, 1957; Х. Ш. Иноятов. Указ. соч.

⁴⁸ А. Park. Указ. соч., стр. 35.

⁴⁹ См. «История Узбекской ССР», т. II, стр. 46.

Необходимо подчеркнуть, что очень скоро указанная часть декларации III съезда Советов Туркестана была фактически аннулирована. В апреле 1918 г. на V съезде рабочих, солдатских, крестьянских и дехканских депутатов Туркестанского края представители местных национальностей были избраны в высший орган Туркестанской республики — ЦИК, а четверо назначены народными комиссарами. В июне 1918 г. I съезд Коммунистической партии Туркестана принял решение организовать курсы по подготовке партийных и советских работников из местного коренного населения, издавать постановления, газеты и политическую литературу на национальных языках, вовлекать представителей народных масс Туркестана в ряды Красной гвардии. Эти факты трудно скрыть, и буржуазные авторы спешат по-своему объяснить их. Парк утверждает, что коммунисты Туркестана приняли эти решения «под давлением Москвы», но осуществляли их «с неохотой и оговорками». Пайпс считает их «тактической уловкой» Москвы, рассчитанной на спасение Советской власти в Туркестане⁵⁰.

Но на деле речь шла о проведении в жизнь на окраинах бывшей царской России, в частности в Туркестане, основных принципов советской национальной политики, и все меры, принятые по инициативе В. И. Ленина для исправления ошибок туркестанских коммунистов, нашли полную поддержку на местах. В письме к коммунистам Туркестана В. И. Ленин указывал на огромное значение революции в Туркестане и призывал их «приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом, установить товарищеские отношения к народам Туркестана, — доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным»⁵¹. Это письмо, в котором В. И. Ленин дал дружеские советы туркестанским коммунистам, имело огромное значение для исправления ошибок, допущенных ими в национальном вопросе. В октябре 1919 г. ВЦИК и СНК РСФСР создали специальную комиссию по делам Туркестана (Турккомиссию). Выполняя указания В. И. Ленина, коммунисты Туркестана под руководством Турккомиссии за короткий срок провели большую политическую работу. Были высланы из края колонизаторские элементы (бывшие царские чиновники, полицейские, жандармы), проведена тщательная чистка хозяйственных и советских органов. Великодержавные шовинисты, пробравшиеся в ряды коммунистов Туркестана, были исключены из партии и преданы суду. В результате проведенных мероприятий советские и партийные органы еще теснее сблизились с трудящимися массами Туркестана. В 1920 г. из 812 сотрудников Комиссариата рабоче-крестьянской инспекции 235 являлись представителями местных национальностей. В многочисленных отделах и подотделах Комиссариата внутренних дел работало значительное число узбеков, киргизов, казахов⁵².

Огромное значение в правильном осуществлении ленинских принципов национальной политики в Семиречье и во всем Туркестане имел приказ ТуркЦИКа о возвращении земель, имущества и устройстве киргизов, которые, спасаясь от колонизаторской политики царизма и преследований после подавления восстания 1916 г., вынуждены были бежать в Китай и другие места. Советская власть гарантировала всем возвратившимся беженцам полную безопасность и материальную помощь. По инициативе В. И. Ленина 29 июня 1920 г. было принято историческое решение ЦК РКП(б) «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане». В нем указывалось на необходимость ликвидировать отношения, создавшиеся между пришлым европейским населением и

⁵⁰ А. Парк. Указ. соч., стр. 35; R. Pipes. Указ. соч., стр. 179.

⁵¹ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 117.

⁵² Э. А. Воскобойников, А. И. Зевелев. Указ. соч., стр. 89.

коренными народами в результате более чем пятидесятилетней колониальной политики самодержавия. ЦК РКП(б) предложил отобрать у европейских переселенцев в киргизских районах все земли, захваченные у киргизов, оставив им участки в размере трудового надела. Изъятые земли поступали в фонд для наделения киргизов и дунган-беженцев, возвращавшихся на Родину, для обеспечения земель безземельных дехкан⁵³.

Исключительное значение имело создание в 1920 г. Туркестанской автономной республики, а затем, в 1921 г., Туркестанской Советской Социалистической Республики.

Буржуазные историки усиленно выпячивают и раздувают ошибки, совершенные некоторыми работниками местных советских органов, чтобы замолчать и принизить то невиданное и великое, что несла с собой Советская власть всем народам. В 1918 г. в письме к американским рабочим В. И. Ленин писал: «Пусть кричит на весь свет продажная буржуазная пресса о каждой ошибке, которую делает наша революция. Мы не боимся наших ошибок. От того, что началась революция, люди не стали святыми. Безошибочно сделать революцию не могут те трудящиеся классы, которые веками угнетались, забивались, насильственно зажимались в тиски нищеты, невежества, одичания»⁵⁴. Но на каждую сотню наших ошибок, отмечал далее В. И. Ленин, приходится десять тысяч великих и геройских актов. Их-то и обходят старательно буржуазные авторы вроде Парка, Пайпса, Зеньковского и др. Однако в своем стремлении очернить политику Советской власти они не ограничиваются раздуванием одних и замалчиванием других фактов. Эти «исследователи» докатываются до самых чудовищных вымыслов и клеветы. Так, Парк, пытаясь обнаружить «суровую дискриминацию по отношению к мусульманскому населению в социальной и экономической политике советского режима», утверждает, будто Советское правительство конфисковало земли и скот у местного населения и распределяло их среди «вновь прибывших русских колонизаторов». Ссылаясь на некоего «Назарова», он объявляет о возникновении в Семиречьи системы, «похожей на рабство», суть которой заключалась якобы в поголовной мобилизации киргизов для сельскохозяйственных работ. Мобилизованных-де распределяли среди русских крестьян, а тех, кто отказывался или дезертировал, приговаривали к смертной казни. По приказу Ташкентского Совета, продолжает фантазировать Парк, проводились систематические грабежи местного населения, а красногвардейцам были предоставлены самые неограниченные права, и они опустошали набегами кишлаки, грабя даже самых бедных. Чтобы у читателя не оставалось сомнений в «жестокостях» Советской власти, Парк пытается поразить его воображение, нагнетая ужасы один чудовищнее другого. При описании небывалого по размаху голода, охватившего Туркестан в 1918—1919 гг., Парк, ссылаясь на выступление великодержавного шовиниста Тоболина, утверждает, что Советская власть сознательно обрекала на вымирание киргизов для облегчения положения русского населения⁵⁵. Но, изображая выступление Тоболина «типичным» для политики нашей партии, Парк «забывает» сказать о резком отпоре, который оно вызвало со стороны туркестанских коммунистов⁵⁶.

Но дело не только в этой мелкой подтасовке фактов. Самым курьезным является то, что Парк пытается приписать Советской власти дей-

⁵³ «История Узбекской ССР», т. II, стр. 112.

⁵⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 54.

⁵⁵ А. Парк. Указ. соч., стр. 35.

⁵⁶ См. Т. Р. Рыскулов. Революция и коренное население Туркестана, Ташкент, 1925, стр. XII. Парк умалчивает даже о том, что Рыскулов, на которого он ссылается, назвал заявление Тоболина «в корне неправильным и вредным для задачи революции взглядом».

ствия, прямо противоположные тем, которые она осуществляла на деле. Можно с уверенностью сказать, что именно огромные усилия Советского правительства по ликвидации голода 1918—1919 гг. в большой степени ликвидировали горечь и обиду у местного населения, вызванные отдельными ошибками местной администрации, и во много раз повысили авторитет Советской власти в глазах трудящихся масс местных национальностей.

Уже осенью 1918 г., когда первое холодное дыхание голода охватило города и кишлаки Туркестана, был проведен ряд мероприятий по облегчению участи голодающих⁵⁷. Приказом от 29 ноября 1918 г. за № 91 ЦИК Туркеспублики предложил всем органам Советской власти принять «особо энергичные и продуктивные меры» по борьбе с голодом. Была создана Центральная комиссия по борьбе с голодом, на местах организованы чрезвычайные комиссии, в которые вовлекались представители местного населения. Из скудных ресурсов республики было выделено 40 млн. руб. для помощи голодающим. В «Положении для органов, ведающих делами по оказанию помощи голодающим», приложенном к приказу № 91, ЦИК Туркеспублики наметил широкую программу организационных мер по борьбе с голодом, причем специально подчеркивалась необходимость привлечения к судебной ответственности всех, кто препятствует этой борьбе. Особую заботу проявляло правительство о детях. На местах, в уездах и городах, были созданы детские приюты и пункты питания. Нельзя без волнения читать документы, свидетельствующие о глубоко гуманных принципах тех, кто их вырабатывал и проводил в жизнь.

В § 4 Временной инструкции по организации детских приютов и колоний для детей голодающих говорится: «Местные комиссии по борьбе с голодом обязаны доставлять голодающих детей — сирот, находящихся под их ведением, с питательных пунктов в соответствующие приспособленные на местах приюты и колонии». В § 11 указывается на необходимость организации правильного питания детей. «Пища, приготовленная детям, должна быть простая, но укрепляющая, содержать достаточное количество белка и жира и соответствовать детскому пищеварению». Конечно, А. Парк не преминет возразить, что правительство заботилось лишь о русском населении. Но вот приказ № 17 Временного Военно-революционного Совета Туркеспублики от 3 февраля 1919 г. Подчеркивая необходимость проводить все мероприятия по борьбе с голодом «вне всякой очереди», Совет приказывал распределение продуктов и мануфактуры среди голодающих «производить на равных началах без подразделения на национальности, отпускать продукты первой необходимости первым долгом голодающим». Лица, нарушившие приказ, говорится далее, должны быть преданы суду революционных трибуналов⁵⁸.

В свою очередь правительство РСФСР, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия в центральных районах России, предпринимало все необходимые меры для снабжения продовольствием Туркестана. 2 февраля 1919 г. Совнарком РСФСР принял постановление об отправке в Туркестан 12 млн. пудов хлеба, большого количества сахара, чая, текстильных товаров, а также сельскохозяйственных машин. По указанию правительства РСФСР еженедельно из Москвы и других центров должно было направляться в Туркестан по 45 вагонов различных товаров, а из районов Самары и Оренбурга — ежедневно около 30 ваго-

⁵⁷ Кстати, в книге Т. Р. Рыскулова, которую Парк часто цитирует, приведено множество документов, убедительно свидетельствующих о тех поистине титанических усилиях, которые предпринимало правительство Туркестана для облегчения положения голодающих (Т. Р. Рыскулов. Указ. соч., стр. 35—48). Однако Парк, следуя обычной манере клеветников, предпочитает умолчать об этих документах.

⁵⁸ См. Т. Р. Рыскулов. Указ. соч., стр. 37, 42, 58, 63.

нов хлебных грузов⁵⁹. В июне 1918 г. И. В. Сталин сообщал В. И. Ленину из Царицина, что там организуется снабжение Туркестана хлебом⁶⁰. Мероприятия Советской власти спасли жизни сотен тысяч жителей Туркестана⁶¹.

Эти исторические факты народы Средней Азии никогда не забудут. Братская помощь русского пролетариата, находившегося в тяжелом положении, окруженного со всех сторон врагами, была ярким проявлением его интернационализма. Постоянное и последовательное проведение в жизнь принципов ленинской национальной политики, неуклонное искоренение ошибок местных коммунистов укрепляли союз трудящихся Туркестана с русским пролетариатом. Именно благодаря этому союзу и поддержке, оказанной широкими массами местного населения, Советская власть победила в гражданской войне в Туркестане.

* * *

Остановимся еще на одном важном аспекте нашей темы — изгнании из Закаспия английских интервентов. Если верить буржуазным историкам, получается, что англичане ворвались на территорию Туркестана отнюдь не для того, чтобы отторгнуть его от России и присоединить к Британской империи. Оказывается, главной целью генерала Маллесона в Закаспии (как формулирует ее О. Кэроу) было «побудить любую власть, способную выполнить соглашение, нейтрализовать опасность, которая исходила из факта освобождения австро-венгерских военнопленных и возможности их соединения с турецкими или германскими силами, которые могли двинуться с Запада»⁶². Единственной заботой английского правительства, по словам Кэроу, была защита Индии от германских войск. Это объяснение находит поддержку и в работе Пайпса. Пока Россия воевала с Германией, пишет он, северо-западные подходы к Индии были надежно прикрыты русскими войсками. «Неожиданное падение русского фронта, — заявляет далее Пайпс, — радикально и невыгодно для Англии изменило ситуацию, так как открыло туркам и немцам пути к району Каспия и Персии, а затем и в Центральную Азию». И, конечно, утверждает автор, чтобы «заполнить брешь, Британия вынуждена была организовать специальные миссии»⁶³.

Измышления Кэроу и Пайпса о причинах интервенции не представляют ничего нового. Точно так же пытались оправдываться сорок лет назад участники и организаторы интервенции, перед лицом развернувшегося в Англии в 1918—1920 гг. мощного движения в защиту молодого Советского государства⁶⁴.

Кэроу и Пайпс ссылаются еще и на то, что войска Данстервиля, захватившие Баку, и генерала Маллесона, вторгшиеся в Туркестан, были малочисленны, а их стратегические возможности — ограничены. Но разве когда-нибудь малочисленность служила оправданием факта агрессии? К тому же у генерала Маллесона было не 2 тыс. солдат, как пишет Пайпс, а 4 тыс., что по тем временам составляло довольно значительную силу. Кроме того, необходимо учесть, что это были прекрасно оснащенные и чрезвычайно мобильные части, подкрепленные артиллерией и самолетами, имеющие большой опыт колониальной службы в Индии и

⁵⁹ «История Узбекской ССР», т. II, стр. 96.

⁶⁰ В. И. Ленин, И. В. Сталин. Статьи и речи о Средней Азии и Узбекистане, Ташкент, 1940, стр. 61.

⁶¹ Т. Р. Рыскулов называет цифру в 1 млн. (Т. Р. Рыскулов. Указ. соч., стр. XII).

⁶² О. Сагое. Указ. соч., стр. 116.

⁶³ R. Pipes. Указ. соч., стр. 180.

⁶⁴ См. Gen. Dunsterforce. The Adventures of Dunsterforce, 1920; P. Sykes. A History of Persia, 1921; W. Malletson. Указ. статья.

Иране⁶⁵. Но главная суть работ Кэроу и Пайпса заключается не в этих софизмах, а в поразительном искажении самых элементарных фактов истории.

Как известно, в марте 1918 г. между Советской Россией и Германией был подписан Брестский мир, по которому военные действия были прекращены и фактически вопрос о наступлении немцев на Кавказ или Среднюю Азию отпал. Кроме того, Германия в этот период практически не могла предпринять никаких широких наступательных операций. В августе 1918 г., когда генерал Маллесон ворвался в Туркестан, кайзеровская Германия доживала последние дни. Во Франции англо-французские войска прорвали фронт германской армии и начали широкое наступление. Материальные ресурсы Германии были на исходе, армия разваливалась, а в самой стране назревали бурные революционные события. 29 апреля 1918 г. капитулировала Болгария, 30 октября — Турция, 30 ноября — Австро-Венгрия, а 11 ноября 1918 г. сложил оружие рейх. Таким образом, ни Германия, ни ее союзники не угрожали и практически не могли угрожать подходам к Индии.

Кэроу утверждает, что «Британия никогда не имела намерения выйти за рамки ограниченных действий — предотвратить использование Туркестана с его коммуникациями как трамплина для атаки Индии». Тогда почему же английские войска не были выведены с территории Туркестана тотчас же после капитуляции кайзеровской Германии? От кого же теперь надо было в песках Закаспия защищать Индию? Кроме того, известно, что весной 1919 г., после прибытия подкрепления из Баку и Индии, англичане должны были начать новое большое наступление в Туркестане⁶⁶.

Все факты говорят о том, что истинные цели английских войск, вторгшихся в Закаспий, были далеки от тех, которые им приписывают Кэроу и Пайпс.

Как отмечал один из руководителей эсеров, совершивших 16 августа 1918 г. контрреволюционный переворот в Ашхабаде, в начале августа 1918 г. лидерам эсеров стало ясно, что своими силами им не удастся удержаться у власти и уже тогда была высказана мысль «о заключении военного соглашения с правительством Великобритании, в лице **его** мешхедского резидента генерала Маллесона»⁶⁷. По всей видимости, эта «мысль» возникла еще раньше, до переворота, так как сам Маллесон утверждает, что приказ возглавить «миссию в Туркестане» он получил уже в июне⁶⁸. В июне же в Мешхеде у Маллесона побывал Доррер, один из главных организаторов ашхабадского переворота⁶⁹, и, вероятно, именно после этого визита Маллесон запрашивал Симлу (местопребывание английской колониальной администрации в Индии), преследует ли ввод английских войск в Закаспий цель поддержки белогвардейских контрреволюционных сил против большевиков. Ответ из Симлы гласил, что Маллесону «предоставляется свобода действий». Но Маллесон отдавал себе полный отчет в том, что переход границы означал «определенный акт войны против большевиков» и отлично понимал поставленную перед ним задачу. С первого же дня вступления на территорию Закаспия его экспедиция стала главной опорой контрреволюционного правительства в Ашхабаде. Хотя в начале своего отчета,

⁶⁵ «История Узбекской ССР», т. II, стр. 88. Маллесон в докладе Обществу Средней Азии в 1922 г. отмечал, что находившиеся в его распоряжении 28-й полк легкой кавалерии и 19-й пенджабский полк имели «первоклассное оснащение» и «возглавлялись исключительно способными и храбрыми офицерами». (W. Malletson. Указ. статья, стр. 97).

⁶⁶ А. Х. Бабаходжаев. Провал агрессивной политики английского империализма в Средней Азии в 1917—1920 гг., Ташкент, 1955, стр. 95.

⁶⁷ См. «Историк-марксист», 1926, т. II стр. 126.

⁶⁸ W. Malletson. Указ. статья, стр. 96.

⁶⁹ «Историк-марксист», 1926, т. II, стр. 127.

сделанного в 1922 г., Маллесон в соответствии с официальной версией уверяет, что его миссия ставила цель воспрепятствовать, по мере возможности, проникновению «турецких и германских подданных» через Баку и Красноводск к афганской границе, однако в самом тексте нет ни слова о каких-либо реальных попытках такого проникновения. Зато здесь прекрасно показано, как мнимая роль спасителей Индии от «турок и немцев» обернулась подлинной ролью «спасителей» Туркестана от революции. Маллесон подробно описывает акции британских войск против туркестанских большевиков, а нежелание интервентов уходить из захваченных районов в начале 1919 г. откровенно объясняет угрозой укрепления Советской власти в Закаспии. Лондон полностью поддерживал Маллесона, указав, что его пребывание в Мерве «является лучшим средством помощи Закаспию»⁷⁰. Это писалось в 1919 г., когда и Германия и Турция давно капитулировали!

Кстати, и сама британская буржуазия в то время гораздо проще, чем ее будущие адвокаты, объяснила свои намерения. Рупор крупных английских дельцов газета «The Times» сообщала 16 августа 1918 г.: «В северо-восточной Персии подразделения британских войск, прибывшие из Индии, сконцентрированы для защиты от возрастающей опасности в связи с анархией, господствующей в Туркестане». Газета ни словом не упоминает об угрозе британским колониям от германской агрессии. Зато как много говорит историку слово «анархия»! Сколько раз в истории британский колониализм обвинял свою очередную жертву в «анархии» или «беспорядках» и затем совершал агрессию против народов, борющихся за свое освобождение! 17 августа 1918 г. газета «The Times» в редакционной статье, захлебываясь от восторга, описывает «подвиги» иностранных интервентов в Советской России и под тем предлогом, что «одних экспедиций недостаточно», требует увеличить контингенты интервенционистских войск. Не довольствуясь пребыванием в Советской России английских, американских и японских частей, газета приглашала туда же и канадцев, обещая, что в Сибири они будут чувствовать себя как дома. В те времена «The Times» прямо требовала от британского правительства ускорить раздел Советской России, а ныне английские и американские историки пытаются прикрыть черные дела, совершенные английским империализмом.

Главарь эсеровского контрреволюционного правительства в Ашхабаде также не скрывали далеко идущих планов англичан. В передовой статье органа ашхабадского правительства от 17 августа 1918 г. говорится: «Мы твердо верим, что англичане отнюдь не удовлетворятся скромной ролью освободителей (!) Закаспия. У них имеются безусловные более широкие задания. Наилжайшие сходятся с нашими. Наша общая задача — это уничтожение Ташкентского гнезда» (т. е. Советского правительства. — Г. Х.)⁷¹.

Утверждения буржуазных историков не вяжутся с их же собственными заявлениями. Пайпс пишет: «Войска генерала Маллесона вступили в Закаспий в августе 1918 г. *по просьбе Закаспийского временного правительства эсеров в Ашхабаде*. В августе и сентябре они сражались *в союзе с белогвардейскими частями и соединениями туркмен против красных войск*» (курсив мой. — Г. Х.)⁷².

Только разгром Красной Армией банд атамана Дутова, военно-политическое укрепление Советской власти в Туркестане и назревавшая третья англо-афганская война сорвали дальнейшие происки британского империализма. Но и после того как в апреле 1919 г. английские войска были эвакуированы из Закаспия, империалисты не теряли надежд вернуться вновь. Они снабжали эмирскую Бухару оружием и

⁷⁰ W. Malletson. Указ. статья, стр. 96—101.

⁷¹ Цит. по кн. А. Мелькумов. Материалы революционного движения в Туркмени 1904—1919 гг., Ташкент, 1924, стр. 140.

⁷² R. Pipes. Указ. соч., стр. 131.

деньгами, подстрекая ее к выступлениям против Советской власти⁷³. В Синьцзяне полковник Эзертон формировал полки белогвардейцев, вооружал их и перебрасывал в Семиречье. Кроме того, известно о широкой материальной поддержке, оказанной англичанами басмаческим бандам в Фергане. Все это отнюдь не говорит об «ограниченных рамках действий Британии в Туркестане». Буржуазные историки скрывают тот факт, что главной целью Англии было свержение Советской власти в Туркестане и превращение его в свою колонию. По соглашению, заключенному английским агентом в Ташкенте Бейли с подпольной контрреволюционной «Туркестанской военной организацией», руководители последней обязывались «в благодарность» за английскую финансовую помощь в 100 млн. руб. признать в будущем английский протекторат над Туркестаном сроком на 55 лет!⁷⁴ Соглашение подписали также эмир бухарский и главари басмаческих банд Ферганской долины. Еще определеннее выразился в письме к атаману Дутову полковник царской армии Зайцев, который имел полную информацию о переговорах с англичанами: «После свержения Советской власти будет образована автономная Туркестанская республика, которая будет находиться под исключительным влиянием Англии и пользоваться такой же самостоятельностью, как африканские колонии Англии — Трансвааль и Оранжевая республика»⁷⁵. Яснее трудно сказать. Колония в составе Британской империи — вот какую судьбу предназначали народам Туркестана интервенты и местные контрреволюционеры. Это исторический факт подтверждает, по существу, и свидетель другой стороны — сам генерал Маллесон. Сожалея, что его миссии не удалось выполнить «желания местного населения», он пишет: «Действительно, британский протекторат был именно тем, что оно (местное население. — Г. Х.) считало величайшим счастьем!»⁷⁶. Нет, буржуазным историкам никогда не удастся смыть с английских интервентов позорное клеймо крестоносцев империализма в Средней Азии.

* * *

Усиление в последние годы фальсификации вопросов Октябрьской революции и гражданской войны в Средней Азии — равно как и всего социалистического развития среднеазиатских республик — имеет свои глубокие причины.

Рост интереса и симпатий к СССР особенно пугает монополистов в наши дни, когда завершается ликвидация колониальной системы, в Азии и Африке происходит образование большого числа самостоятельных государств, решающих сложные проблемы социального и экономического развития. Каким путем они пойдут, на чью помощь будут опираться, какими принципами будут руководствоваться во внешней и внутренней политике — все эти вопросы беспокоят идеологов империализма, стремящихся навязать им свой «путь», свою «помощь», свои «принципы». И нет поэтому ничего неожиданного в том, что поборники империализма, всячески рекламируя перед бывшими зависимыми народами «выгоды» от союза с капиталистическим Западом, одновременно стараются опорочить принципы советской национальной политики, благодаря которым советские среднеазиатские республики достигли нынешнего уровня развития.

«Мы называем коммунистическое развитие опасностью, а демократическое (т. е. капиталистическое. — Г. Х.) благоприятной возможностью и надеемся, что в конце концов большинство народов Африки и Азии

⁷³ А. Х. Бабаходжаев. Указ. соч., стр. 102.

⁷⁴ «История Узбекской ССР», т. II, стр. 83.

⁷⁵ См. В. Н. Сычников. Зверства английских интервентов в Туркменистане в 1918—1920 гг., Ашхабад, 1954, стр. 9—10.

⁷⁶ W. Malleson. Указ. статья, стр. 101.

будет думать так же, как мы», — откровенно пишет один из известных буржуазных авторов.⁷⁷

От современной политики вовлечения ранее зависимых и колониальных стран в империалистические блоки тянутся нити и к фальсификации прошлого советских среднеазиатских республик. Авторы трудов, с которыми мы только что познакомились, и не скрывают этого, хотя выражают свои мысли по-разному. Филипп Мосли в предисловии к книге Парка указывает, что ее цель — отвергнуть «претензии Москвы» на роль единственного освободителя слабых народов⁷⁸. Зеньковский прямо говорит, что интерес к истории народов Средней Азии в настоящее время «стимулируется тем состоянием возбуждения, в котором находится мусульманский мир»⁷⁹. Коларц в главе под названием «Советская национальная политика как мировая проблема» призывает «выбить инициативу действий из рук большевиков». «Западные нации, — заявляет он, — должны воспрепятствовать тому, чтобы Россия выступала на мировой арене в роли той силы, которая призвана решать задачи, оставшиеся нерешенными для остальной части человечества, включая национальную проблему и проблему зависимых народов»⁸⁰. Буржуазные историки тщатся «доказать», во-первых, что, социализм не несет свободы, равноправия и благосостояния ранее зависимым народам; во-вторых, что политика СССР по отношению к ним преследует корыстные «империалистические» цели.

Но народы Африки и Азии не верят этой лжи, что доказывают не только выступления официальных представителей и общественности их стран, но и многочисленные признания западной печати. Все внешнеполитические акции Советского правительства, оказывающего бескорыстную помощь угнетенным народам, все успехи коммунистического строительства в советских среднеазиатских республиках разоблачают домыслы о мнимом «советском колониализме».

И напротив, как бы ни старались обелить империализм его апологеты, никакая самая усовершенствованная пропаганда не может скрыть истины: западный империализм ни своей природы, ни своего отношения к освободительному движению народов не изменил. Суэцкая авантюра британских и французских колонизаторов, расстрелы алжирских патриотов, попытки империалистических кругов США задушить кубинскую революцию, наконец, бесчинства и зверства колонизаторов в Конго, учинивших расправу над Патрисом Лумумбой и его соратниками, — эта кровавая практика империализма подчеркивает все усиления пропагандистского аппарата Запада. Правду не скрыть. С каждым годом увеличивается число делегаций зарубежных стран в СССР, с каждым годом расширяются связи народов Средней Азии с народами Азии и Африки. Трудящиеся зарубежного Востока хотят знать причины экономических и культурных успехов народов, находившихся прежде под колониальным гнетом, и использовать в своей практической деятельности их опыт. Об этом опыте хорошо сказал датский общественный деятель Иб Норлюнд на страницах копенгагенского журнала «Советский Союз сегодня»: «То, что мы видели в Узбекистане, — пишет он, — можно выразить тремя словами: приговор колониальной системе. Этот приговор, заключающий в себе «тайну» подъема азиатских народов, является одним из важнейших политических факторов нашего времени»⁸¹.

⁷⁷ John Plamenatz. On Alien Rule and Self-Government, Longmans, 1960, p. 180—181.

⁷⁸ O. Park. Указ. соч., стр. IX.

⁷⁹ S. Zenkovsky. Указ. соч., стр. VII.

⁸⁰ W. Kolarz. Указ. соч., стр. 314.

⁸¹ «Мы видели Советский Узбекистан», Ташкент, 1957, стр. 23—24.

